

ЯРОСЛАВ ЛЕОНТЬЕВ

**ЧЕРНАЯ ТЕНЬ
РЕВОЛЮЦИИ**

(атаманша Маруся Никифорова)

Ярослав Леонтьев

ЧЕРНАЯ ТЕНЬ РЕВОЛЮЦИИ

(атаманша Маруся Никифорова)

**АВТОНОМНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2015Г**

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>Дивчина по кличке «Вологда».....</i>	<i>3</i>
<i>Маруся в Париже.....</i>	<i>9</i>
<i>Конкуренстка Махно.....</i>	<i>11</i>
<i>Битва за Елизаветград.....</i>	<i>13</i>
<i>Лица похожие на Марусю.....</i>	<i>19</i>
<i>Художница.....</i>	<i>24</i>
<i>Два атамана.....</i>	<i>29</i>
<i>«Да здравствует Анархия!».....</i>	<i>37</i>

«— Слышь ты...
— Ну?
— Расскажи про Маруську,
про ее банду.

*Рябоконь откинул одеяло с
лица.*

*- Ну что? Банда и банда. Шо
с нами, то с вами. Она — анар-
хистка, Маруська. Двадцать
лет была на каторге. Бежала
из московской Новинской
тюрьмы. Ее Слацев расстре-
лял в Крыму. «Да здравствует
анархия!» — крикнула и умерла.
Знаешь кто она была? Ники-
форова ее фамилия. Гермафродит
самый настоящий. Слы-
шал? Ну, спи...».*

*Варлам Шаламов,
«Кольмские рассказы».*

ДИВЧИНА ПО КЛИЧКЕ «ВОЛЮДЯ»

Чего только ей не приписывали и не приписывают! Виной тому и она сама, — изрядная мифоманка, и пугливые и охочие до легенд-страшилок современники-обыватели, и конкуренты из числа анархистов, и идеологические противники — и белые, и большевики, готовые любую, присущую им же самим пакость, приписать поверженному инакомыслящему... В результате, и сегодня вполне научные издания, энциклопедии помещают о ней на своих страницах множество недостоверных фактов.¹

Попробуем соединить в нашем повествовании все, или почти все, что было о ней рассказано ее современниками,

¹ Ермаков В.Д. «Маруся»: Портрет анархистки // Социс. 1991. № 3; Кривенький В.В. НИКИФОРОВА М.Г. // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в.: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996.

всеми, кто знал ее лично, или слышал о ней. Попробуем свести воедино факты ее бурной биографии и, где это возможно, отделить (или, хотя бы, оттенить) правду от домыслов...

Варианты же ее биографии весьма рознятся между собой.

Звали ее **Мария Григорьевна Никифорова**. Это сомнению не подлежит. Но вот дальше... То она – дочь офицера, прославившегося в русско-турецкой войне (как пишут современные историки Кривенький и Ермаков, принимающие на веру полное неточностей жизнеописание Маруси из анархистского журнала «Жизнь и творчество русской молодежи»). То – бывшая посудомойка водочного завода (украинский историк А.Белаш, сын бывшего начальника штаба Махно), то – выпускница Смольного института (Юрий Трифонов). Все эти неувязочки еще при ее жизни отметил в своем дневнике Владимир Амфитиатров-Кадашев: *«Маруська Никифорова. О последней ходят целые легенды. Уверяют: она генеральская дочь, за что-то мстящая своему «кругу»; или – незаконнорожденная, объявившая войну обществу вообще, – «черная тень Революции». Все это бредни и чепуха. Биография Маруськи довольно примечательна, но с другой стороны: семнадцатилетней девчонкой это многообещающее существо уже попало на каторгу за полууголовный, полуполитический «экс», каких в то время (1910) бывало много».*²

Все подмечено верно. Ошибка только в дате: в 1910 году Маруся уже никаких «экссов» не совершала. В годы 1-й русской революции Маруся, по свидетельству одних, сочувствовала и примыкала к эсерам, по свидетельству других, она уже тогда была убежденной анархисткой. А происходила она, как это следует из картотеки Департамента полиции, из крестьян села Печеникова Стародубского уезда и волости Чернигов-

² Амфитиатров-Кадашев В. Страницы из дневника / Публ. С.В.Шумихина // Минувшее: Истор альманах. Т. 20. М.-СПб., 1996. С. 552

ской губурнии.

Известно, что в мае 1909 года Марусю из Бутырок перевели в Новинскую тюрьму. В камере, куда она попала, содержались в основном юные по летам, но зато закаленные, как сталь, революционерки. К моменту появления в камере Никифоровой в разгаре были приготовления к побегу. Среди камерных «авторитетов» выделялась аристократическая красавица Наталия Климова – в будущем подруга Бориса Савинкова, в прошлом – возлюбленная знаменитого боевика-максималиста Михаила Соколова (более известного как «Медведь»). Будучи сама членом Боевой организации Союза эсеров-максималистов, она приняла участие в подготовке одного из самых кровавых терактов в дореволюционной русской истории – взрыва дачи премьер-министра П.А.Столыпина на Аптекарском острове 12 августа 1906 года. Между прочим, Климова стала прообразом главной героини романа М.Осоргина «Свидетель истории»... Другая активистка этой группы, тоже эсерка-максималистка – Екатерина Никитина оставила подробные воспоминания о подготовке и осуществлении знаменитого дерзкого побега. (Кстати, на воле в его подготовке побега принимал участие и юный Владимир Маяковский с домочадцами. Значительная часть одежды для беглянок была пошита его семьей).

О ее приходе в камеру Никитина вспоминала так:

«Появление ее мы приняли как катастрофу... Худое и серое лицо, бегающие карие глаза, коричневые волосы, остриженные в скобку, невысокая коренастая фигура, размашистые судорожные движения, срывающийся неровный голос – такого «политического» типа мы еще не видали! На обычные вопросы – откуда? Кого знает? По какому делу? – провралась немедленно. А уж если врет о деле, плохой признак: уголовная повадка, ничему верить нельзя... Развязность но-

*венькой, ее готовность к «тыканью» (мы все были на «вы»), попытки обниматься и проч. – были встречены более, чем холодно...».*³

Кто-то из сокамерниц объединился в активной ненависти к Марусе, кто-то отнесся к ней с подозрением, кто-то с любопытством, кто-то с жалостью, но никто не выказывал к ней симпатий. На волю был послан запрос – что за такая Никифорова? Вскоре от ее защитника на суде пришла справка, подтверждавшая, что она действительно судилась по Старобельскому делу, но приговорена была не к казни, как заявила сокамерницам Маруся, а к каторге, на суде держалась неровно – то вызывая, то со слезами...

Уточним по архивным документам, что так называемое «Старобельское дело» заключалось в убийстве группой революционно настроенной молодежи в 1907 году пристава в городе... Стародубе. (Город же Старобельск находился в Харьковской губернии). В идейном отношении группа (а с точки зрения властей и обывателей – разбойничья шайка) объединяла сочувствующих и партии с.-р., и анархистам. Кроме убийства пристава-черносотенца Тхоржевского, группа проявила себя нападением с целью ограбления на дом местного священника и вооруженным грабежом делопроизводителя акцизного управления.⁴ Никифорова зарекомендовала себя, как одна из главарей «шайки», в указанных и других «предприятнях» действовала, переодетой в мужское платье и под псевдонимом «**Володя**».

5 августа 1907 г. начальник Черниговского губернского жандармского управления докладывал в Петербург: «К следствию привлечена также и Мария НИКИФОРОВА, являв-

³ Никитина Е. Наш побег // Женщины-террористки в России / Сост. О.В.Будницкий. Ростов-на-Дону, 1996. С. 579-580.

⁴ ГА РФ. Ф.102. ДП. 7 Д-во. 1907 г. Д.5604.

шаяся до своего ареста одной из главных деятельниц этой шайки. Агентура указывает, что названная Никифорова очень часто из Стародуба приезжала в Клинцы, где вела преступную агитацию среди рабочих, образовывала между ними кружки и собирала деньги на революционные цели»⁵.

В соответствующем деле Департамента полиции имеется шифротелеграмма черниговского губернатора Родионова на имя министра внутренних дел такого содержания: *«принимаются самые экстренные меры <...> преследованию преступников, опасные уезды разделены...районы, где действуют конные полицейские отряды с казаками. Трудность поимки разбойников объясняется тем, что шайки оперируют вдоль линии железных дорог, по-видимому со стороны Курска, Брянска; выслеживание по железным дорогам затруднительно вследствие недостатка агентов и средств... Докладываю, [что] чины полиции работают энергично, неся частые потери [в] личном составе, [в] Стародубском уезде ими изловлена почти вся шайка, участвовавшая [в] грабежах, убийстве пристава Тхоржевского...»*.⁶

Из материалов дела видно, главный обвиняемый – мещанин Иван Вереvченко – по приговору Временного военного суда, состоявшегося 13 октября 1907 года в Чернигове, был приговорен к смертной казни через повешение. А четверо его поделщиков, и в том числе крестьянка Мария Никифорова 18-ти лет, к различным срокам каторжных работ. Судьба одного из дружков Маруси – Айзика Лейбовича – была по своему знаменательна: во время Гражданской войны он примкнул к большевикам и уселся на место когда-то убиенного пристава, сделавшись начальником Стародубской ЧК!

⁵ ГА РФ. Ф.102. ДП. ОО. 1907 г. Д 80. Ч. 69. Л. 131-об.

⁶ ГА РФ. Ф.102. ДП. 7 Д-во. 1907 г. Д.5604.

Но вернемся в Москву, в камеру Новинской тюрьмы... Итак: *«От нас она явно пряталась: раздевалась под одеялом, не мылась, как все мы, в уборной до пояса, в коридор высказывалась, обязательно убедившись, что все сидят в камере... и т.д. Смутное подозрение невероятного, невозможного положения бродило в голове. Тут пришла записка из Бутырской тюрьмы от ее сопроцессника; очень осторожно он сообщал, что Маню Никифорову он знает за хорошего и честного товарища, но есть одно обстоятельство... «Она вам сама расскажет»... Опять обстоятельство!.. И я высказала свое предположение:*

*– Это не девушка, а мужчина, вернее всего – шпион».*⁷

Если верить Никитиной, в аналогичном Никифорову заподозрили и остальные сокамерницы. Посоветовавшись, решили допросить. И вот тут Маруся раскололась. Мемуаристка так излагает этот вполне драматургический эпизод:

« – Действительно мальчик, но история совсем особенная, и не провокатор вовсе, а участвовал в убийстве пристава, потом скрылся в женском платье, был так арестован и осужден; сидел в Чернигове, в одиночке, потом в Бутырках – тоже, знает тех-то, и те знают его, в общем несчастный и просит, ради бога, понять и пожалеть, плачет...

Камера ахнула... Нельзя сказать, чтобы все понимали ясно положение: большинство увлеклось романтичностью происшествия и находило наши страхи преувеличенными. Однако, приступили к обсуждению и решили следующее: Маня останется Маней, что он мальчик или мужчина – нам все равно. Ставим ей приставную койку у окошка за столом... запрещаем петь, скакать, кричать, ходить к доктору, в уборную, когда там кто-нибудь есть и, конечно, в баню...

⁷ Никитина Е. Наш побег... С. 581

*Маньку позвали, все это ей доложили и потребовали клятвенного обещания. Она плакала, сморкалась, обещала... А на другой же день запела во все горло сильным мальчишеским альтом: «У Полтави на рыночку...».*⁸

Хотя в Марусиных «историях» кое-что все же было правдой, тем не менее из одной биографической справки в другую кочует, по-видимому, кем-то сочиненные впоследствии и ее отсидка в одиночке Петропавловской крепости, и приговор (на три года раньше, чем ее судили на самом деле) к смертной казни, и перевод в Сибирь, откуда она бежала через Японию (как когда-то Бакунин) в Америку, а затем в Западную Европу... Что было на самом деле, мы узнаем все у той же Никитиной.

МАРУСЯ В ПАРИЖЕ

История побега, то есть то, чему мемуаристка была непосредственным свидетелем и участником, изложена достаточно скрупулезно и правдиво. Он прошел вполне удачно: в ночь на 1 июля 1909 года из Новинской тюрьмы бежало 13 человек. Трое женщин, в том числе, конечно, и Маруся, переоделись в мальчиков, четверо – в барышень, одна – в даму, одна – в девочку, двое – в женщин из народа. Сама Никитина, поскользнувшись, потеряла часть одежды, заготовленной на воле (напомним – семьей Маяковских; любопытно, кому досталась одежда, пошитая юношей Володей Маяковским – может быть Марусе?), не хватило, кое-как обрядилась в сооруженное из «подручного» материала платье для беременной женщины...

Марусина история у Никитиной завершается сноской:

«...Расскажу ее дальнейшую историю: это оказался не мальчик и не девочка, а полного и редкого типа гермафродит

⁸ Там же. С. 581-582.

– более грамотные из нас скоро об этом догадались и звали его «Оно». Он не был провокатором, но, конечно, половое уродство сказалось на всей психике – истерической, извращенной и аморальной. За границей, куда он попал после побега, он ориентировался на анархистов, жил странно, то в мужском, то в женском платье, имел соответственные романы, получал какие-то средства. Мы все с ним совсем разошлись. В 1917 г. вернулся в Россию...».⁹ (Далее следует совершенно мифологизированный вариант последующей биографии Маруси, который мы опускаем).

Что касается жития нашей героини за границей, а точнее, во Франции, достоверных фактов (а не слухов) пока не много. По одним сведениям, она после побега жила в Париже, где занималась скульптурой и рисованием у самого Огюста Родена и одновременно продолжала работать в анархистских организациях Западной Европы¹⁰. По другим, – что скиталась по разным странам (Франция, Англия, Германия, Швейцария). Якобы свободно говорила на многих европейских языках, была активной участницей конгрессов левых радикалов. Некоторые характеризуют ее, как строптивую, непокорную натуру, по убеждению – анархо-террористку, как хорошего оратора и организатора экспроприаций и террора... Вторые утверждают, что во Франции «ее подвели под политическую, и здесь она попала уже на французскую каторгу за дела хорошие: опять вооруженный грабеж [об этом Амфитеатрову-Кадашеву рассказывала в Риме некая Гиацинтова, сидевшая, якобы, в каторжной тюрьме в Марселе вместе с «Маруськой», с той только разницей, что Гиацинтова была жертвой судебной ошибки, а «Маруська сидела поделом» – Б.Б., Я.Л.], а в 1917 году срок Маруськиной каторги кончился, и она

⁹ Там же. С. 585.

¹⁰ Жизнь и творчество русской молодежи. М., 1919. №

помчалась в Россию...»¹¹. Третьи пишут, что в годы первой мировой войны Никифорова под именем Володя записалась в Иностраный легион (в 1914 году), закончила в Париже офицерскую школу и была на фронте... Есть также версия, что ей была сделана в Париже операция по пересадки гормонов (или что-то в этом роде) дабы наконец определиться с полом.

К числу достоверно известных фактов относится то, что в Париже она, как беглая каторжанка, проживала под нелегальными именами Минны Калнин и Антонины Амброжевич. Более существенно то, что в эмиграции она познакомилась с В.А.Антоновым-Овсеенко и одним из лидеров российских анархистов-коммунистов А.А.Карелиным. Знакомства эти оказались весьма полезными и имели для Маруси важные последствия.

КОНКУРЕНТКА МАХНО

После Февральской революции Маруся вернулась в Россию, где сразу же с головой окунулась в водоворот местных революционных событий. В пламенности ее анархизма уже никто не сомневался.

Первым делом она, якобы, отправилась на Украину на ст. Пологи Александровского уезда, где проживала ее мать. На развалинах террористической группы она создала крепкую анархо-террористическую организацию, которую «профинансировала» при помощи экспроприации у местного богача Бадовского миллиона рублей... В Гуляйполе, куда она часто навещалась, познакомилась с местным анархистом Нестором Махно. Из воспоминаний последнего известно, что «29 августа анархистка из Александровска М. Никифорова проводила крестьянский митинг». Во время митинга Маруся по-

¹¹ Амфитиатров-Кадашев В. Страницы из дневника / Публ. С.В.Шумихина // Минувшее: Истор альманах. Т. 20. М.-СПб., 1996. С. 552

пыталась арестовать бывшего гуляйпольского полицейского пристава, но Махно, якобы, пресек сию инициативу.

В начале сентября Махно еще колебался, раздумывая, как сподручнее осуществить аграрный переворот, но нагрывшая накануне в Гуляйполе Маруся требовала немедленных действий. Позднее долгое время состоявшая в Революционной Повстанческой Армии на вторых ролях, в ту пору Никифорова пользовалась куда более громкой известностью, чем сам Махно. Она обрушила на Нестора град упреков в постепенстве, соглашательстве и отходе от бунтарского правого дела.

К тому же периоду относится и такой рассказ Виктора Белаша:

«Однажды в клубе мы спорили – быть или не быть Махно во главе гуляйпольских организаций. Вдруг заходит к нам Маруся Никифорова с какими-то тремя анархистами. Она выступила против группы и Махно, обвиняя нас в том, что мы стремились руководить селом, мало проповедовали идеи анархизма и слабо притесняли помещиков и торговую буржуазию.

– Надо прямым насилием над буржуазией разрушить устои буржуазной революции и вести борьбу с украинским шовинизмом, – говорила она. – Надо добывать средства на литературу, надо захватить оружие.

– Но где взять оружие? – спросили мы. Маруся предложила обезоружить часть Преображенского полка, стоявшую неподалеку от Гуляйполя. Мы согласились.»

Затем, как пишет дальше будущий начштаба Махно, около 200 анархистов выехали поездом в Орехово, на станции оцепили склады полка и в цейхгаузе нашли винтовки. Захватив оружие, окружили штаб. По словам Белаша, «командир успел удрать, а низших офицеров Маруся собственноручно

расстреляла». Солдаты никакого сопротивления не оказали и охотно разъехались, кто куда.

Вернувшаяся в Александровск (ныне Запорожье) Никифорова неожиданно была арестована правительственным уездным комиссаром по обвинению в ограблении заводчика Бадовского. Однако, испугавшись ответных действий со стороны анархистов, комиссар быстро пошел на попятную и «эксистку» освободил.

Очень сомнительны приводимые современными исследователями данные об отъезде Маруси на время из Александровска в Петроград и Кронштадт. Во время украинского Октября, проходившего с опозданием от Питера на месяц-другой, Маруся на пару с Махно работала в революционном штабе, который состоял из левых социалистов-революционеров и большевиков. А с конца декабря 1917 года началась ее партизанская деятельность. В Елизаветграде (позже Кировоград) с формирования батареи. Эта батарея выросла в возглавляемый ею **«1-й вольно-боевой отряд по борьбе с контрреволюцией»**.¹²

БИТВА ЗА ЕЛИЗАВЕТГРАД

Дебютом ее отряда стало взятие под свой контроль в январе 1918 года Александровска. Затем были захваты Елизаветграда и Знаменки. Деятельность Маруси в качестве боевого командира стала быстро обрастать слухами и легендами: то она грабит кондитерские кафе и объедается пирожными, то она экспроприирует магазины дамского белья... Деникинский журналист Владимир Амфитиатов-Кадашев услышал о ней такое: «Едва воцарился Совдеп, как... возник «вольный казачий отряд анархистов», предводительствуемый Марусь-

¹² ЦАМО. Ф,4613. Оп.1. Д.135. Л.13.

кой. Девка красивая, безусловно лихая, она, одетая в полумужской костюм, в короткой юбке, в высоких сапогах, с револьвером за поясом, скакала на лошадях, возбуждая восторг в разных проходимцах, составлявших ее шайку. Первоначально она основалась в Елизаветграде, с твердым намерением хорошенько обчистить этот богатый город. К счастью, рабочие огромного завода «Эльворт» не позволили сделать этого; в возникшей между ними и Маруськой войнишке победителями оказались рабочие, так что она должна была поспешно удалиться к востоку, по дороге ограбив Александровск, где воспрославилась реквизицией в свою пользу всех шелковых чулок в городе».¹³

А вот такой она запомнилась анархисту Чуднову:

«Это была женщина лет тридцати двух или тридцати пяти, среднего роста, с испитым, преждевременно состарившимся лицом, в котором было что-то от скопца или гермафродита, волосы острижены в кружок. На ней ловко сидел казачий бешмет с газырями. Набекрень надета белая папаха».¹⁴

Весной восемнадцатого отряд Никифоровой действовал в различных городах Украины и России – от Одессы до Ростова-на-Дону. Предоставим слово Антонову-Овсеенко, отношение которого к Никифоровой хотя и противоречиво, но хотя бы фактическую сторону дела он излагает корректнее иных современных историков:

«Безобразия анархистского отряда Маруси Никифоровой (из Гуляй-Польского района) в Елизаветграде были одной из причин успеха восстания, организованного в городе белогвардейцами и петлюровскими агентами... Контр-революции помогали, в меру своей распущенности, некоторые анархист-

¹³ Амфитиатров-Кадашев В. Страницы из дневника / Публ. С.В.Шумихина // Минувшее: Истор альманах. Т. 20. М.-СПб., 1996. С. 552

¹⁴ Чуднов М.Н. Под черным знаменем. (Записки анархиста). М; 1930

ские элементы».¹⁵

Вроде бы картина рисуется однозначная. Но тут же Антонов-Овсеенко приводит следующие сообщения:

*«Выяснилось, что самим Муравьевым [в то время Главком Южного фронта – Б.Б., Я.Л.] был выслан на помощь Беленковичу [командующий советскими силами в районе Елизаветграда – Б.Б., Я.Л.] эшелон анархистов, под командой Маруси Никифоровой, которая терроризировала население от Елизаветграда до Екатеринослава... Везде шел разговор о грабежах и расстрелах. В пособничестве анархистам обвинили и Беленковича. Черносотенцы восстали и выбили Беленковича из города... Когда Беленкович отступил, буржуазия совсем оседлала рабочих и крестьян и выдвинула лозунг «долой анархию». Со всех деревень были созваны солдаты, которым сказали, что они идут сражаться против Маруси, и в рядах стал заметен энтузиазм... У станции Хировка наступление гайдамаков отбито, особенно отличился отряд Маруси Никифоровой. Много жертв с обеих сторон, разрушено полгорода».*¹⁶

Далее резюме: «И те и другие сообщения о Маруси Никифоровой были верны: у нее были храбрые ребята, только в конец распущенные». Затем, согласно Антонову-Овсеенко, события развивались следующим образом. 11 марта «с аэропланов елизаветградцы разбрасывали воззвания, в которых говорилось, что в городе власть принадлежит рабочим и чтобы не поддавались провокации и шли против грабежей Никифоровой... К 13 марта Елизаветград был снова нами занят...».¹⁷

¹⁵ Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне: Т.2. – М.-Л., 1928. С.40, 65.

¹⁶ Там же. С. 65,66.

¹⁷ Там же. С. 66,67

Что же происходило в те мартовские дни 1918 года в Елизаветграде? В современных исследованиях события излагаются следующим образом. В городе была образована комиссия для урегулирования отношений с анархистским отрядом, которая предложила «1-му вольно-боевому отряду...» покинуть город. Этому требованию Никифорова вынуждена была подчиниться, так как находившийся в городе большевистско-левоэсеровский Военно-революционный комитет к тому времени уже имел в своем распоряжении значительные вооруженные силы. После начала немецкого наступления в связи с начавшейся эвакуацией советских учреждений и войск из Елизаветграда, правым эсерам и меньшевикам из местного Совета удалось объединить свои силы и создать альтернативный «Временный комитет революции». Войска этого комитета под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!» легко разгромили местных красногвардейцев, а затем при появлении в Елизаветграде отряда Никифоровой (250 человек, 1 орудие, броневик) в городе начались ожесточенные бои. «Временный комитет революции» привлек на свою сторону значительную часть населения, «страшая» их грабежами и погромами, учиненными до того Марусей. Итогом стало 86 убитых и 140 раненых. Кроме того, сама Маруся была ранена, и во главе отряда на время встал ее заместитель Маркус.

Сохранились еще одни воспоминания об этих событиях:

«... Гражданская война. Завладев городом Елизаветградом, атаманиша Маруська Никифорова допрашивала пленных в штабе, расположенном в бывшем кавалерийском училище. Все знали, что атаманиша мстит за смерть своего мужа [еще одна легенда! – Б.Б., Я.Л.]

Она сидела в кресле, опустив голову. Короткие прямые волосы, свисая, закрывали лицо. На столе – «маузер». За спи-

ной – охранник в тельняшке. <...>

Перед атаманшей стоял мальчик лет двенадцати. Среди задержанных был и его старший брат, пытавшийся бросить бомбу в атаманшу.

– Я же сказала, не брать хлопчиков, – приподняла голову Маруся.

Потом открыла ящик стола, достала ярмарочный, ви-той леденец и, поглаживая по голове, протянула ему: «Гар-ный хлопчик...».

Казаку, приведшему ребенка, было дано распоряжение вернуть его домой и взять от родителей справку, что довел благополучно <...>

На стук в окно выглянула мать:

– Где же ты был, я весь город обегала... Не си-дится дома, смотри, что творится кругом!

Мальчик признался, что был в плену, но постыдился ска-зать, что у Никифоровой, а казак многозначительно доба-вил: «Атаманиша». В записке, которую дала казаку народная учительница Мария Даниловна, говорилось:

«Арсения Тарковского, ученика 3-го класса гимназии Крыжановского, доставили домой и проводили благопо-лучно».¹⁸

История, как мы знаем, дама весьма ироничная. Почему бы не предположить, что отрока Арсения мог задержать дру-гой будущий советский поэт – Илья Сельвинский, в то самое время боец отряда Никифоровой (о чем он сам пишет в своей автобиографии)?

Дополним картину елизаветградских событий рассказом Беленковича, в изложении Антонова-Овсеенко: «*Маруся со своим отрядом занималась в Елизаветграде митингами и*

¹⁸ Кузнецов Ф. «Судьба моя сгорела между строк». Десять вечеров у Арсе-ния Тарковского // Огонек. 1987. № 3. С. 19.

самочинными реквизициями. Беленкович, по указаниям Муравьева, предложил ей отправиться на фронт. Она предписание выполнила... и настроение в городе улучшилось... Негаданно – у семафора Маруся Никифорова; проездом на Знаменку завернула, «чтоб закупить необходимое снабжение». Автомобиль с ней был в городе обстрелян, Маруся ранена. Ее «братва» начала обстрел города [из двух броневиков был открыт огонь, в том числе по зданию Елизаветградского Совета – первый в истории расстрел «Дома Советов», произведенный к тому же с применением тяжелой бронетехники!.. – Б.Б., Я.Л.]. Беленковичу удалось остановить эту стрельбу. В переговорах с городским самоуправлением он добился обещания соблюдать нейтралитет и содействовать сдаче оружия нерегулярными частями, при условии отправки наших отрядов на фронт. Наши отряды были отправлены. В ответ городское самоуправление организовало тайный военный штаб, который двинул белые отряды на вокзал для захвата станции и Беленковича... Услышав стрельбу, повернула к Елизаветграду и Маруся... С нашей стороны дрались до 400 чел... Наступали до 6 000 белых, под руководством бывших офицеров. Наши были раздавлены. Отряд Никифоровой наполовину истреблен...».¹⁹

Другой очевидец писал, что, не смотря на многократное превосходство со стороны противника, «Маруся и отряд Беленковича были разбиты только на тринадцатый или четырнадцатый день... В это время со стороны Помошной подошел броневой поезд Полупанова, спокойно заняв город. Пленные и арестованные большевики были немедленно освобождены, а вся свора белогвардейцев так же быстро исчезла, как и появилась. Полупановым был предъявлен ультиматум городу о

¹⁹ Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне: Т.2. М.-Л., 1928. С.67,68.

немедленной сдаче всего оружия...»²⁰.

ЛИЦА ПОХОЖИЕ НА МАРУСЮ

Большинство интерпретаторов сходится на том, что Никифорова, сражаясь в то время на стороне Советов, в итоге своими действиями настроила большую часть населения против Советской власти, и что подобное происходило не только в Елизаветграде, но и в других городах Украины, где побывал отряд Маруси. *«По линиям железных дорог носились отдельные поезда со всемогущими пассажирами, вооруженными до зубов. По любому капризу захватывались станции, почты, телеграфы, прямые провода. Вокруг этих «летучих голландцев», казавшихся иногда воскресшими группами ландскнехтов, создавались легенды. Одна Маруся Никифорова, смелая и жестокая полководица, подобно метеору летавшая с пункта на пункт, опустошавшая для своих нужд магазины дамских и иных нарядов, выступавшая под защитой пулеметов и броневиков, уничтожавшая Советы, заставит с болью и горечью остановиться в будущем на этом отрывке российской революции...»*²¹ Это красочное описание находим в воспоминаниях известного левого эсера, народного комиссара юстиции Штейнберга.

После ряда партизанских боев с немцами и гайдамаками, в которых Маруся участвовала вместе с дружественными ей отрядами (в различных мемуарах отмечено взаимодействие «1-го вольно-боевого отряда» с «черногвардейцами» братьев Нестора и Саввы Махно, красногвардейцами матроса-большевика Полупанова, а также с левозсеровскими полевы-

²⁰ Волкац С. Парторгпнизация и октябрьский переворот в Елизаветграде // Летопись революции. 1922. № 1. С. 193.

²¹ Штейнберг И. Харьков – Таганрог – Ростов-на-Дону. (Из поездки на Юг) // Наш путь. 1918. № С. 236.

ми командирами Петренко и Родионовым), она в апреле 1918 года прибыла в Таганрог. Надо отметить, что стремительное весеннее наступление германской армии на территории левобережной Украины, не позволило эшелонам Никифоровского отряда предпринять что-то серьезное. Даже попытка совместно с еще не очень известным тогда Махно и, наоборот, со знаменитым тогда командиром сибиряков Петренко спасти от захвата Гуляйполе ни к чему не привела.

Между тем, узнав о самовольных погромах и расстрелах, произведенных Марусей в Елизаветграде и Александровске, Украинское большевистское правительство, находившееся в то время в Таганроге, приказало арестовать Никифорову, а ее отряд разоружить. Нестор Махно так описывает сцену ареста:

«Я связался с некоторыми членами Федерации таганрогских анархистов, а также с другими друзьями и занялся на шумевшим в те дни в Таганроге делом командира одного из анархистских отрядов Марии Никифоровой...»

Ленин и Троцкий разнуздались совершенно, разгромили анархистские организации в Москве, объявили поход против анархистов <...> Украинская большевистско-левоэсеровская власть поспешила действовать против отряда анархистки Никифоровой, очутившегося вместе с их красногвардейскими отрядами в Таганроге.

Украинское правительство приказало отряду под командой большевика Каскина [на самом деле левого эсера А.Каски. – Б.Б., Я.Л.] арестовать анархистку Марию Никифорову, а ее отряд разоружить. Солдаты Каскина арестовали Марию Никифорову на моих глазах в здании УЦИК Советов. Когда ее выводили из этого здания в присутствии небезызвестного большевика Затонского, Маруся Никифорова обратилась к нему за разъяснением: за что ее арестовывают? Затонский лицемерно отнекивался: «Не знаю за что».

*Никифорова назвала его подлым лицемером».*²²

Была создана следственная комиссия, куда вошли по два представителя от таганрогских организаций большевиков и левых эсеров, два представителя таганрогской федерации анархистов и один представитель УкЦИК Украины. Из-за попытки большевиков разоружить отряд Маруси Никифоровой, который, кстати, подобно многим другим, разным по партийной «приписке» формированиям, в разгар боев явился в Таганрог на отдых, – произошел первый конфликт с властями у Нестора Махно. Он же и описал подробно все, что произошло после ареста Маруси, в частности то что, «отряд Никифоровой не разбрелся и не пошел на служение в отряд большевика Каскина. Он настойчиво требовал от власть имущих ответа, где они запрятали Марию Никифорову и за что его разоружили...»²³.

После нескольких телеграмм с фронта с протестами против ареста Маруси, следственная комиссия постановила оправдать и освободить Никифорову, а также отменить все меры, принятые против ее отряда. На это решение повлияло и то, что Антонов-Овсеенко положительно характеризовал действия анархистов против австро-германских войск. Верховный главнокомандующий советскими войсками Юга России телеграфировал в Таганрог:

«Отряд анархистки Марии Никифоровой, как и товарищ Никифорова, мне хорошо известны. Вместо того, чтобы заниматься разоружением таких революционных боевых единиц, я советовал бы заняться созданием их».²⁴

Приблизительно в это время на территории центральной и южной России то и дело стали появляться самозванки, вы-

²² Там же. С.80,81.

²³ Там же. С. 81,82

²⁴ Там же. С. 81,82.

дававшие себя за легендарную Марусю. Отряды таких «Марусь» действовали в соответствии с мифами, приписываемыми подлинной Марусе. От Воронежа до Туапсе «Маруси» со своими шайками безнаказанно грабили и убивали. Разобраться кто есть кто во всех этих историях и легендах невероятно сложно. Известен, например, такой колоритный факт: накануне сдачи Ростова-на-Дону немцам анархисты занялись уничтожением «капитала»: на площади свалили в кучу акции, облигации и различные ценные бумаги, взятые из банков, и стали их сжигать. Разумеется, и этот «подвиг» молва числила за Марусей.

В начале мая с нею в одном поезде, шедшем из Ростова на Царицын, оказался В. Трифонов. Его сын, известный писатель Юрий Трифонов, пишет об этом так:

«На том же паровозе оказалась «знаменитая» Маруся Никифорова, начальница отряда анархистов, молодая пьянчужка и психопатка. Еще недавно воспитанница Смольного института, а ныне прославленная атаманша любила разъезжать по Ростову в белой черкеске с газырями и белой лохматой папахе. Отряд ее растрепали немцы, вместе с нею ехали лишь несколько солдат...»²⁵

Одновременно в сторону Царицына двигался и дружественный ей отряд Петренко. К тому времени между Петренко и большевистскими властями, в том числе в лице Серго Орджоникидзе, разрастался конфликт из-за экспроприированных отрядом Петренко ценностей (золотой запас Донецко-Криворожской советской республики). Два эшелона, доверху груженные золотом и солдатами, подъехали к Царицыну, где Петренко поднял бунт... Маруся, естественно, встала на сторону своего боевого товарища. Вот как описала этот эпизод

²⁵ Трифонов Ю. Отблеск костра. Документальная повесть // Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. М., 1987. С. 78-79.

жена Серго Орджоникидзе – Зинаида:

«Рано утром наш бронепоезд прибыл в Царицын. Чуть брезжил рассвет. Вдруг неподалеку началась канонада. Это восстали бандиты Петренко, прибывшие на первых двух эшелонах, которые мы не сумели догнать в пути.

Серго сел в автомобиль и поехал к месту столкновения. Озверевшие бандиты категорически отказались сложить оружие и объявили войну Советской власти. Они объединились с анархистами из банды Маруси, которую я видела раньше в Ростове: она в сопровождении пьяных грабителей разъезжала верхом по городу в белой черкеске и белой лохматой папахе.

*Красноармейские отряды заняли позиции на кладбище. Началось настоящее сражение, в котором Серго принял самое деятельное участие...».*²⁶

Верными Советам остались только необученные отряды рабочих-красногвардейцев, а Петренко с Марусей командовали лихими и стрелянными партизанами... Царицынский мятеж как две капли повторил елизаветградскую историю: прямой наводкой из крупнокалиберных орудий с эшелонов лупили по центру города, где находились все учреждения Советской власти. Но в конце концов Петренко окружили, он сдался и его расстреляли. Рядовых петренковцев и Марусю не тронули.

Если верить газете «Известия Советов Московской области», отряд «Известной анархистки «Маруси» в конце мая 1918 года был разоружен в Царицыне. О Марусиных бойцах газета писала следующее: «Появляясь в каком-нибудь городе, они свободно предавались грабежу, пьянству, самочинным обыскам и реквизициям. Весь город, в котором им удавалось

²⁶Орджоникидзе З.Г. Путь большевика: Страницы из жизни Г.К.Орджоникидзе. М.,1967. С. 222.

обосноваться, был в самом ужасном положении. Они нарушали нормальную жизнь, нападали нередко на рабочих. Что-то кошмарное творилось в городах во время пребывания там «Маруськи». Пьяная вакханалия, террор, распутство, распространявшиеся г-жой Никифоровой не поддаются описанию».²⁷

Когда Маруся уже была арестована газеты продолжали сообщать самые фантастические сведения о ней. Например, 2 июля центральные «Известия» поместили следующую заметку: «**КИЕВ, 25-го июня.** В центре Киева задержана неизвестная женщина в офицерском платье, у которой обнаружены документы на имя офицера Сергея Рафальского. В задержанной опознана известная анархистка Никифорова («Маруська»)...(ПТА)».²⁸ По словам московской газеты «Жизнь» арестованной «Марусе всего 19 лет, в прошлом она – портниха из Житомира, фамилия ее – Высоцкая. Врач, устанавливавший пол Маруси (в виду того, что она была в форме солдата), констатировал, что она больна тяжелой венерической болезнью...».²⁹ По словам этой газеты, арест был произведен не в Киеве, а в Кременчуге.

А питавшийся в основном слухами В.Амфитиатров-Кадашев записал в своем дневнике: «Затем болталась при большевиках на Дону и Кубани, после взятия Туапсе бежала в горы – и след ее пропал»³⁰.

ХУДОЖНИЦА

На самом же деле Маруся была арестована в Саратове 20

²⁷ Канищев В.В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный: Погромное движение в городах России в 1917 – 1918 гг. Тамбов, 1995. С. 116.

²⁸ Известия ВЦИК. 1918 г. № 135

²⁹ Жизнь. 1918. № 57.

³⁰ Амфитиатров-Кадашев В. Страницы из дневника / Публ. С.В.Шумихина // Минувшее: Истор альманах. Т. 20. М.-СПб., 1996. С. 553.

июня 1918 г. и сразу же отправлена в Москву, где до 21 сентября сидела в Бутырской тюрьме.

Для начала по ее делу был допрошен ее бывший «шеф» Антонов-Овсеенко. 1 июля он дал свидетельские показания... в пользу обвиняемой:

«Марусю Никифорову знаю давно и ничего за нею скверного не видел. В Париже вела она рабочий образ жизни. На революционную работу на юге потянулась самостоятельно; кажется, в качестве сестры милосердия была в отряде матросов. Шли слухи, что «реквизировала» широко наряды в Харькове и мне приносили из магазинов счета на реквизированные «Марией Никифоровой» вещи, но выяснилось, что эти реквизиции произведены были не ею, а лицом, себя именовавшим ее фамилией [здесь и далее подчеркивания красным карандашом в документе. – Б.Б.,Я.Л.]. В середине декабря (кажется) отправилась в окрестности Александровска набрать людей для формировавшихся в Харькове батарей. Все же не вполне ей, ввиду указанных слухов и общего ее нервно-ненормального поведения, доверяя, я, посылая в Александровск комиссара т. Крылова, ему предуказал Никифоровой хода не давать <...> В середине апреля, когда южная армия была разбита под Александровском и бежала к Иловайской и Таганрогу, я слышал от т. Полупанова, Харченко и Егорова (еще раньше) самые лестные о ней отзывы: Маруся де боевой человек, самоотверженно дерущийся и держащий свой отряд в железной дисциплине. В это самое время Маруся была арестована в Таганроге распоряжением Ц.К.У. и ее отряд разоружен. Я телеграфировал Ц.К.У. нелепо и что о Марусе слышал много лестного. Знаю, что ее затем предали суду и суд ее оправдал. Что она делала после – не знаю.

Возможно, что она и разгоняла советы, но надо знать какие. Иные заслужили более чем разгона. Вела она себя, по-

моему, не хуже, а лучше, чем многие из великодушных советских деятелей, трусливо бежавших, захватив пожитки и семью, задолго до пришествия немцев <...> Есть в ней что-то вырожденское, известная двойственность природы, но ничего крупно пакостного за ней не знаю.

*Антонов».*³¹

Узнав о том, что Маруся находится под стражей, группа бывших политических эмигрантов обратилась в следственные органы со следующим ходатайством:

«Мы, бывшие политические эмигранты, возвратившиеся из Франции, возмущаемся злыми, гнусными слухами, распространявшимися буржуазной печатью о товарище Марии Григорьевне Никифоровой.

Зная ее по эмиграции, уверены в ее безусловной политической честности и личной бескорыстности: содержание ее в тюрьме в тяжелый момент для Революции и Российского пролетариата, только из-за однобокого толкования революционных действий и происходящих по этой причине недоразумений среди революционных течений, считаем вредным и бесчеловечным.

Москва 12-го августа 1918 г.

Сотрудник Бюро Печати при Совнаркомме [подпись нрзб.]

(коммунист)

*Сотрудн. Комиссар. Торг. и Пром. **В.Бжостек** (анарх.-*

коммун.)

*Информатор-продотряд **Л.Маркус** (коммунистка)*

***Лев Черный** (анархист-ассоциатор)*

***Петр Резников** (анархист-коммунист)*

***Апполон Карелин** (ан.-ком.). Член Вс. Ц.И.К.».*³²

³¹ ЦАМО. Ф.4613. Оп.1. Д.135. Л.18-20.

³² Там же. Л.69.

В конце концов Марусю действительно освободили из-под стражи под поручительство старого революционера Аполлона Карелина и командующего Советской армией Украины Антонова-Овсеенко. Кстати, сохранились собственноручные показания Карелина, датированные 5 ноября 1918 г.:

«Я, нижеподписавшийся, Апполон Андреевич Карелин, член В.Ц.И.К., по профессии литератор, по делу т. М.Г.Никифоровой показываю:

Я давно знаю М.Г.Никифорову. Это – идеалистка в лучшем смысле этого слова. Полнейшее ее бескорыстие вне всякого сомнения и доказано, как во время эмиграции, так и в России. Все, что могла, она отдавала даже малознакомым товарищам. Отдавала последнее. После отобрания у нее при аресте полученных во время службы советской республике денег, она не имела ни копейки, как находясь в тюрьме, так и по выходе из заключения. Деньги на жизнь ей пришлось брать у меня. Я скорее поверю тому, что партия коммунистов примет программу союза русского народа, чем тому, что т. Никифорова возьмет для себя хотя бы копейку награбленных или взятых контрибуцией денег. С момента выбора ее в командиры отряда от нее и ее отряда не поступило ни копейки и в анархические организации. Она была и осталась убежденным врагом всяких «экспроприаций» и т.п. М.Г.Никифорова – честнейший человек, которых я когда-либо знал и убежденная до фанатизма революционерка в лучшем смысле этого слова.

Говорить о том, что она пьянствовала, это значит клеветать через чур уж рьяно. Она полная трезвенница. Говорить о том, что она агитировала против советов, потому что в них находятся «жиды» – верх нелепицы и неправды сознательно лгущего человека. Я хорошо и давно знаю ее убеждения по вопросу об антисемитизме. Приписываемая ей

фраза о том, что надо разогнать советы, потому что в них сидят «жиды» так же нелепо, как была бы фраза о необходимости разогнать советы, потому что в них сидят русские. Мне стыдно доказывать нелепость этой дикой клеветы очевидно малокультурного человека.

*Как анархист, я интересовался отрядом т. Никифоровой, как и другими анархическими отрядами. Мне нередко приходилось слышать о нем и слышать только хорошее».*³³

В ожидании суда и приговора она начала работать, как мы уже говорили, в Пролеткульте, точнее поступила туда учиться живописи. Первая жена Максимилиана Волошина – Маргарита Сабашникова, в то время секретарь отдела живописи Пролеткульта, вспоминала: «Однажды вечером ко мне пришла женщина, желавшая записаться в студию живописи. Она назвала свое имя – Мария Бшесток. «Вы, вероятно приехали с фронта?» – спросила я. О женщине с таким именем много говорили, как о не знавшей себе равных по кровожадности. «Да, я комиссар Бшесток, приехала прямо с фронта углублять революцию в стране». У нее был очень усталый голос и бесконечно печальные глаза, какие я видела у многих чекистов. Вскоре она появилась на заседаниях в качестве делегата от учеников со всевозможными протестами; учителя несправедливы, одним говорят много, другим мало, освещение плохое, холодно. Как будто не вся Россия страдала от холода! Но она этого еще не знала. Спокойно работать стало невозможно, обстановка в студии совершенно изменилась»³⁴.

Благодаря Сабашниковой мы можем с уверенностью судить о факте замужества Маруси сразу же после освобождения из Бутырок. Ее избранником стал один из ходатайство-

³³ Там же. Л.108.

³⁴ Волошина-Сабашникова М.В. Зеленая змея. Мемуары художницы. СПб., 1993. С. 270.

вавших за нее Витольд Бжостек, известный польский анархист-террорист, член Московской Федерации анархических групп. По воспоминаниям анархиста Андрея Андреева: «Эту женщину (Марусю) Бжостек, любя нежно, иногда носил на руках по комнате»³⁵. В единственной сохранившейся анкете («опросном листе») Никифоровой начала 1919 года, она в графе «род занятий, профессия» указала «художница», а в графе «источники существования» – «служба в Пролеткульте»³⁶.

ДВА АТАМАНА

В Москве Маруся участвовала в Первом Всероссийском съезде анархистов-коммунистов (25 – 28 декабря 1918 г.) и была избрана в секретариат их Всероссийской Федерации. Сохранились протоколы съезда, в которых стенографисткой запечатлены несколько ее выступлений. Например, такое – о Гуляй-Поле:

«Мирная деятельность выразилась в широкой пропаганде анархических идей, следствием которой была организация самим трудовым классом населения фабрики земледельческих орудий, детского сада и переход крупных промышленных предприятий в руки трудящихся (рудники). Боевая деятельность выразилась в борьбе с белогвардейцами... В настоящее время деятельность анархистов на Украине загнана в подполье. Они издают газету «НАБАТ» и подпольную – «КУЙ ЖЕЛЕЗО ПОКА ГОРЯЧО»...»³⁷

Суд над ней состоялся в январе 1919 года. Московский революционный трибунал в обвинительном заключении (об-

³⁵ ОР РГБ. Ф.707. Карг.3. Ед.хр.25.Л.5.

³⁶ ЦАМО. Ф.4613. Оп.1. Д.135. Л.5.

³⁷ Анархисты. Документы и материалы. 1883-1935 гг. / Сост. В.В.Кривенький. Т. 2. М., 1999. С. 168-169.

винителем на суде выступал небезызвестный впоследствии прокурор Р.Катанян) указывал, что *«М.Никифорова без ведома местных совдепов проводила во многих городах реквизиции продуктов интендантства, частных магазинов и обществ, накладывала на помещиков контрибуции на большие суммы, забирала оружие и орудия, оставленные гайдамаками. Когда же Советы протестовали, она грозила им, окружала здание Советов пулеметами, арестовывала членов исполкомов. Ее отряд расстрелял воинского начальника, за неисполнение приказов она приговорила к расстрелу председателя Елизаветградского Совета и пр.»*³⁸.

Член ЦК КП(б)У Г.Пятаков, образовавший по поручению советского украинского правительства комиссию для разбора дела Никифоровой, показал, что последняя *«дезорганизовывала очень часто оборону против немцев и белогвардейцев, что своими поступками она вынуждала многих коммунистов сражаться против нее, занималась грабежами и является попросту бандиткой, действовавшей под флагом Советской власти»*.³⁹

Революционный трибунал признал Марию Никифорову виновной: *«в дискредитировании Советской власти своими поступками и действиями ее отряда в некоторых случаях: в неподчинении некоторым Советам на местах в сфере военных действий»*. Обвинение в грабежах и незаконных реквизициях трибунал постановил считать незаконным, так как основывались на слухах, которые не подтвердились (*«появились истерички, которые, называясь ее именем, и совершали преступления»*). Считая М.Никифорову виновной по двум пунктам, трибунал нашел ее заслуживающей снисхождения (серебряные вещи, найденные в ее штабном вагоне могли при-

³⁸ Известия ВЦИК. 1919. №

³⁹ Там же.

надлежать кому-то из бойцов ее отряда) и приговорил «к лишению права занимать ответственные посты в течение шести месяцев со дня приговора»⁴⁰.

Столь мягкий приговор трибунала объяснялся учетом заслуг Никифоровой в борьбе за Советскую власть и против немцев. К тому же у суда не было веских доказательств о фактах разбоев. Да и реквизиции товаров и прочее не были в тот момент чем-то из ряда вон выходящим, такими методами добывали провизию отряды, сформированные и большевиками, и левыми эсерами, и анархистами.

Вскоре после суда Маруся покинула столицу. «Теперь опять вынырнула на Украине, – фиксирует слухи Амфитеатров-Кадашев, – опять совершает нечеловеческие жестокости: под Мелитополем, после нападения на поезд, ею собственноручно застрелено 34 офицера! Рядом с нею орудует Махно, тоже каторжанин, бывший народным учителем»⁴¹.

В реальности все было несколько иначе. В повстанческой армии батьки Махно, сражавшегося против войск Деникина на стороне Советов, Маруся занималась в махновской «столице» – Гуляйполе – школами, госпиталями, детскими садами. Участвовать в руководстве боевыми отрядами ей не разрешалось, так как Махно решил не допускать ее до военной работы. Повлияло на это, вероятно, и решение военного трибунала в Москве.

Если от военного дела Марусю Махно и отстранил, то от трибуны отлучить ее могло только вмешательство грубой силы. Трибуной она пользоваться продолжала при любых условиях. Махновец А.Чубенко впоследствии утверждал, что прибывшая в район анархистка М. Никифорова произвела на

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Амфитеатров-Кадашев В. Страницы из дневника / Публ. С.В.Шумихина // Минувшее: Истор альманах. Т. 20. М.-СПб., 1996. С.553.

повстанцев неблагоприятное впечатление, пытаясь впечатлить их докладом о репрессиях большевиков, выразившихся в осуждении ее на шесть месяцев условного наказания. На одном из районных съездов Советов и фронтовиков Махно заявил, что если Никифорову судили коммунисты, то значит она заслужила этого: «А наше дело <...> воевать и бить белых, а не разбирать, кто прав, а кто виноват»⁴².

В 20-х числах апреля 1919 года командующий Украинским фронтом Антонов-Овсенко с инспекционными целями посетил Гуляйполе. Махно представил высокому гостю членов гуляйпольского исполкома и его штаба. «Тут же, – вспоминал комфронта – политкомиссар бригады, и старая знакомая Маруся Никифорова».

«Вечером, – продолжает свои воспоминания Антонов-Овсенко, – был еще один громадный митинг. Выступления комфронта, Махно и Маруси Никифоровой. Все выступления шли под лозунгом – «всеми силами против общего врага – буржуйских генералов». В заявлении председателю Сврнаркома Украины Х.Раковскому Антонов-Овсенко в отношении Махно специально отмечает: «Марусю Никифорову к военному делу не подпускает, находя, что ее место – дела «милосердия»⁴³.

Дней через десять после визита Антонова-Овсенков в армию Махно прибыл Л.Б. Каменев, посланный по предложению Ленина на Украину для решения проблемы ускоренного продвижения продовольственных грузов к Москве. Никифорова упросила Каменева послать телеграмму в Москву с просьбой сократить наполовину приговор.

Секретарь Каменева следующим образом описал пребывание своего патрона в «угрожаемом районе»:

⁴² Два атамана: Нестор Махно и Маруся Никифорова. Публ.Я.Леонтьева

⁴³ Антонов-Овсенко В.А. Записки о гражданской войне: Т.3. М.-Л., 1928.

«Поезд экспедиции, хорошо вооруженный пулеметами и бойцами, прибыл в Гуляйполе рано утром 7 мая. Поезд встречали Маруся Никифорова, адъютант Махно Павленко... Разговор начался с верноподданических излияний Маруси Никифоровой и вскоре перешли на тему о ЧК и реквизициях:

Каменев: – *Ваши повстанцы – герои, они помогли прогнать немцев, они прогнали помещика Скоропадского, они дерутся со Шкуро и помогли взять Мариуполь.*

Павленко: – *И взяли Мариуполь.*

Каменев: – *Значит, вы революционеры.*

Маруся Никифорова: – *Даже оскорбительно, ну право.*

Каменев: – *Однако, факт, что часто ваши части реквизируют хлеб, предназначенный для голодающих рабочих...*

Ворошилов с усмешкой спрашивает Марусю Никифорову, для кого она среди бела дня реквизировала целые лавки дамского белья в Харькове. Махновцы улыбаются. Маруся отмахивается рукой и краснеет. «Ко всякой ерунде придираются, – говорит она, – не вникают в суть вещей.

– Я первая, – говорит Маруся, – ввела отряды в Екатеринослав, я обезоружила 48 человек. Можно легенды рассказывать про махновцев, расскажу до конца.... Трудно заставить Марусю прекратить перечень своих подвигов ...

Перед отъездом Каменев посла в Москву следующую телеграмму:

«ВЦИК. Серебрякову. Предлагаю за боевые заслуги сократить наполовину приговор Маруси Никифоровой, осужденной на полгода лишения права занимать ответственные должности. Решение телеграфируйте в Гуляйполе, Никифоровой и мне.

(Маруся Никифорова намекнула об этом сама. Приближенные Махно шепнули Каменеву, что Марусю в штаб Мах-

но не пускают)»⁴⁴.

Между тем, отношения между лидерами махновского движения и пришлыми анархистами складывались все более напряженно. Кульминацией стал конфликт на митинге 1 мая, где Махно обрушился на них и даже стащил с трибуны М.Никифорову, обвинявшую большевиков в предательстве революции. Бескомпромиссность многих городских анархистов противоречила реалистическим взглядам лидеров движения, предпочитавших компромисс в отношениях с коммунистами...

Мемуаристы и историки интерпретируют расставание Махно и Маруси по-разному, при этом некоторые детали между собой не стыкуются. После отъезда Каменева *«был сильный прорыв шкуровцев, – вспоминает бывший махновский порученец Чубенко – и нам пришлось сдавать позицию за позицией и, не имея связи с левым флангом, где стоял штаб 14-й армии, нам пришлось сдать Гуляйполе. И вот, когда было сдано Гуляйполе, то Махно и все его приближенные были объявлены вне закона... Меня Махно откомандировал в Большой Токмак для того, чтобы я сдал отчетность прибывшему новому начальнику снабжения...*

Когда я сдал отчетность, то Махно был на фронте, а в это время приехала анархистка Маруся Никифорова и стала спрашивать меня, сколько у меня денег. Я ей ответил, что у меня 3 миллиона денег, которые Махно не велел мне никому давать. Она мне ответила, что она должна эти деньги получить и отправить их в Москву для подпольной организации анархистов <...>, что у неё есть здесь на станции Большой Токмак 30 террористов-анархистов и она со мной не будет считаться, а если я не дам, то она сделает экспроприацию.

⁴⁴ Экспедиция Л.Б.Каменева для продвижения продгрузов к Москве в 1919 году // Пролетарская революция. 1925. № 6(41). С. 125.

С этими словами она вышла из вагона, где стояла касса с деньгами...».

Чубенко предпочел ретироваться, не дожидаясь возвращения атаманши. На следующий день Махно вернулся с фронта. *«Я ему стал рассказывать..., - продолжает Чубенко, - что у меня хотела Маруся Никифорова сделать экспроприацию... Махно выслушал меня и сказал: «За такую вещь нужно Никифорову расстрелять, потому что эти деньги нужны для того, чтобы поднять восстание в тылу у белых, потому что коммунисты не сумеют».*

В этот момент вошла Маруся Никифорова и стала говорить Махно о том, чтобы он отдал ей эти деньги, так как ей нужно для подпольной работы в Москве. Махно не говоря ни слова, начал ее ругать площадной бранью и, выхватив револьвер, хотел ее застрелить. Но она очевидно это предчувствовала, потому что и она была наготове с револьвером в руке. Долго они ругались, а потом она стала просить, чтобы Махно дал хотя бы на дорогу этим людям, которые были с ней.»

Вконец вышедший из себя Махно взял пачку в 1000 купюр царских денег 5-ти рублевого достоинства и швырнул ее в окно со словами: стоящим около окна ее людям и сказал: «Нате Вам эти деньги и чтоб я вас здесь не видел. Куда хотите, туда и езжайте <...> Знаем мы, какие вы террористы. Готовый хлеб способны кушать да и только».⁴⁵

Другие источники ту же самую историю передают иначе: когда от армии Махно откололась группа боевиков из контрразведки Черняка, которые предполагали, разделившись на три группы, совершить ряд террористических актов – взорвать Харьковскую Чека, убить Колчака и Деникина, – то они

⁴⁵ Два атамана: Нестор Махно и Маруся Никифорова. Публ. Я.Леонтьева

потребовали 700 тысяч рублей и Махно дал требуемую ими сумму.

Известно, что анархо-террористы действительно разделилась на три отряда и со станции Федоровка разъехалась в разных направлениях. Один – в 20 человек во главе с Никифоровой уехал в Крым, откуда должен был проехать в Ростов и взорвать ставку Деникина; другой – в 25 человек во главе с Ковалевичем, Соболевым и Глагзоном уехали в Харьков для освобождения арестованных махновцев, а в случае неудачи – для взрыва Чрезвычайного Трибунала, и третий – во главе с Черняком и Громовым выехали в Сибирь, для взрыва ставки Колчака.

Часть харьковской группы перебралась потом в Москву и назвались «анархистами подполья». В короткое время они организовали нелегальную типографию и совершили несколько налетов-экспроприаций. Эти боевики под руководством Казимира Ковалевича и левого эсера Доната Черепанова готовились даже взорвать Кремль.

Роль М.Никифоровой в деятельности так называемых «анархистов подполья», совершивших 25 сентября 1919 г. взрыв в здании МК РКП(б) в Леонтьевском переулке остается не вполне ясна. В результате этого террористического акта, целью которого было устранение В.И.Ленина, оказалось убито 12 человек, включая секретаря МК РКП(б) В.М.Загорского, а ранено 55 коммунистов, среди которых такие видные большевистские лидеры как А.Ф.Мясников, М.С.Ольминский, М.Н.Покровский, Ю.М.Стеклов, Е.М.Ярославский и др. В результате расследования обстоятельств дела выяснилось, что «анархисты подполья» использовали московскую квартиру Никифоровой.⁴⁶ Однако было

⁴⁶ Гладков Т. Взрыв в Леонтьевском . М., 1988. С.59.

ли это случайностью или атаманша знала о готовящемся террористическом акте, пока остается загадкой.

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ АНАРХИЯ!»

Итак, летом 1919 года Маруся и Витольд Бжостек оказались в белом Крыму. Вскоре они были схвачены морской контрразведкой и казнены в Симферополе (по одному из сведений печально известным генералом Слащевым).

О ее казни сообщалось 21 октября 1919 г в «Известиях ВЦИКа»:

«**ТАМБОВ**, 18 октября. Харьковская газета «Новая Россия» сообщает, что в Севастополе военно-полевым судом Маруся Никифорова присуждена к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение. (РОСТА)».

Вполне правдоподобна звучит версия, записанная В.Амфитиатровым-Кадашевым: *«В Севастополе повесили Маруську Никифорову. Оказывается, она не успела выско-чить из Крыма при занятии его добровольцами и жила, скрываясь, где-то на Корабельной с новым своим мужем. По ее словам, она больше ни в какую политику не мешалась. Однажды ее на улице узнали два паренька, раньше участвовавшие в ее бандах, а ныне – солдаты Добрармии. Желание выслужиться, а также злоба на Маруську за то, что она однажды велела их выпороть, заставили ребят выследить ее и донести по начальству. На суде Маруся держалась великолепно: совершенно спокойно приняла смертный приговор, заявив: «Да что вы можете еще со мной сделать – только вздернуть!» Так же спокойно встретила она и казнь. Прощаясь с мужем (он приговорен к вечной каторге), она, правда, заплакала, но затем сдержалась, бодро стала на скамей-*

ку, сама надела себе на шею петлю...»⁴⁷.

Есть и другая версия ее гибели – литературно-апокрифическая. Приведена она в пьесе того самого Аполлона Карелина «Анархисты». «Никифорова – честная, хорошая анархистка, – говорит один из героев пьесы. – ...В Крыму она вместе со своим мужем Бжостеком была захвачена белыми и осуждена на смерть. В Крыму были господа, называвшие себя анархистами. Им было предложено подкупить стражу, что было легко сделать, и освободить Никифорову и Бжостека. Но эти негодяи пожалели денег. Оба товарища были казнены... К слову, Бжостек мог спастись, мог бежать после ареста Никифоровой, но считал недостойным себя оставить жену и умер вместе с ней».⁴⁸

Уже упоминавшийся анархист Андреев в письме, посланном после выхода книги Никитиной, излагает такую версию финала Марусиной жизни:

«Последняя действительность такова. После ареста Никифоровой в Харькове по обвинению в большевизме, она неузнанная была освобождена и вновь арестована в Севастополе, в тылу у белых, со своим другом Бжостеком: шла подготовка покушения на Деникина. Многие относились к Марусе с большим уважением, как к исключительной женщине и вполне справедливо <...> Маруся Никифорова с большим достоинством держалась на суде белых и своим героизмом заслужила удивление даже их. Перед казнью ее не покидало мужество и она воскликнула: «Да здравствует Анархия!»⁴⁹.

Добавим, что по свидетельству анархиста Чуднова, Маруся была не повешена, а расстреляна в ночь с 3 на 4 сентяб-

⁴⁷ Амфитиатров-Кадашев В. Страницы из дневника / Публ. С.В.Шумихина // Минувшее: Истор альманах. Т. 20. М.-СПб., 1996. С. 553

⁴⁸ «Рассвет». Чикаго. 1929. № 8. С.2

⁴⁹ ОР РГБ. Ф.707. Карт.3. Ед.хр.25. Л.5.

ря. Перед казнью она успела прокричать взводу: «Пли!».

Правда, позже стали появляться разговоры о том, что Мария Никифорова не была ни расстреляна, ни повешена белыми, а вернулась в Москву и там, будучи завербованной органами ЧК, якобы была отправлена с соответствующими заданиями во Францию (по крайней мере, историкам известен один такой случай опубликования ложного некролога – о смерти Елены Соколовской, которая на самом деле отправилась из Одессы на нелегальную работу в Италию).

Образ разудалой анархистской атаманши Маруси настолько запечатлелся в народной памяти, что слухи о погромах и грабежах учиненных ею, появлялись и в 1920–1921 гг. во время крестьянского восстания под руководством эсера А.С.Антонова в Тамбовской губернии. Однако при проверке оказалось, что под именем Маруси скрывалась некая Мария Косова, возглавлявшая одну из антоновских боевых групп, отличавшуюся примерно такими же действиями, как и прежний «1-й Вольно-боевой отряд»... Осенью 1920 г. какая-то Маруся оперировала на Полтавщине, а весной 1921 г. – в бандах атамана Колесникова в Воронежской губернии.⁵⁰ В последние три месяца Махновщины (лето 1921) в районе действия отрядов Махно, якобы, оперировала также некая Маруся, которая затем с ним соединилась, а после ухода Махно в Румынию куда-то исчезла, как в воду канула...

Предложим напоследок одно лингвистическое наблюдение. Возможно феномен подобного размножения «Марусек» совсем не связан с именем легендарной Никифоровой. Не исключено, что и не имена это вовсе, а прозвища, этимологическое появление которых вызвано широко распространенным в тогдашней блатной среде словом «маруха». Пусть так, но

⁵⁰ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ. Т.1: 1918-1922. М.,1998. С.366,430.

все же не случайно Валентин Катаев в «Траве забвения» пишет о действовавшем на Одещине в 1921 году отряде **Маруськи Никифоровой**.

Однако, несмотря на наличие богатого эпоса, в истории с «лжемаруськами» пора поставить точку. На самом деле, после освобождения останки Никифоровой и Бжостека были эксгумированы и перезахоронены в братской могиле. Фотографии их тел Михаил Чуднов лично видел на выставке политотдела 4-й армии в Симферополе в декабре 1920 года.